

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

ОЧЕРКИ

Книга первая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

К началу I тысячелетия н. э., когда процесс народообразования в основном был уже завершен, армяне занимали территорию Армянского нагорья и некоторые примыкающие к нему на западе районы. В этническом отношении они являли собой уже достаточно однородную массу с единым для всех языком. Политические же судьбы армян складывались различно. Основная часть армян занимала области, расположенные к востоку от р. Евфрат. В середине I в. в этой части страны, называемой «Великая Армения», утвердилась самостоятельная ветвь парфянской династии Аршакидов. Здесь сложилось своеобразное общество: его основу составлял «нахарарский» строй — система, при которой страна делилась на множество удельных княжеств, пользующихся внутренней независимостью, но обязанных царю военной и гражданской службой. Служила знать феодализировалась, и в IV—V вв. (о социально-экономических отношениях этого периода мы имеем достаточно целостное представление) «Великая Армения» — типичное раннефеодальное государство скорее европейского, чем азиатского типа.

Области же, расположенные к западу от Евфрата, уже в I в. приобрели статус римских провинций, и дальнейшее их существование протекало в условиях восточноримской, позднее византийской государственности.

В начале I тысячелетия н. э. армянское общество имело за плечами огромный опыт социального и культурного развития. Расположенная на периферии иранского мира и прошедшая этап развития в качестве эллинистического государства, Армения находилась на пересечении многих влияний, идущих с юга и запада. Но эти влияния, которые проявляются во всех областях общественной и культурной жизни армян, не только не заглушали, но даже стимулировали самостоятельное развитие армянской культуры. Оригинальность ее становится особенно очевидной в период создания и дальнейшего функционирования собственной письменности.

Появление письменности — важнейшая веха на пути духовного развития армян. Этот акт стал возможен в условиях взаимодействия ряда причин общественно-политического и 145

культурного характера, причин, которые в значительной мере осознавались уже участниками и свидетелями этого акта.

Было бы неверно определять исторический период, предшествовавший созданию армянского алфавита в начале V в., как бесписьменный. Урартское общество (на смену которому пришло армянское) пользовалось собственной письменностью — ассирийской клинописью, приспособленной к специфике урартского языка. В деловой и, вероятно, также в культурной сфере армяне пользовались персидским языком, соответственно и письменностью. Известно, что при Аршакидах (т. е. с середины I в.) деловые документы в Армении составлялись на персидском языке. В эллинистический период особое место заняли греческий язык и греческая графика. Образованные слои общества были причастны к греческой литературе, сохранились памятники греческой эпиграфики, исходящие от местных лиц. Греческими легендами снабжались местные монеты. Греческая литература распространялась в Армении в связи с насаждением христианства. В отличие от греческого латинский язык не оставил ощутимых следов, сохранившиеся латинские надписи исходят от пришлых лиц.

На протяжении нескольких столетий арамейский язык был для Передней Азии своего рода *lingua franca*. Он был распространен и в Армении и наряду с греческим сыграл важную роль в формировании алфавита. Известны надписи на арамейском языке, и среди них такие важные документы, как межевые знаки, установленные в Армении в связи с земельной реформой царя Арташеса I (189—160).

Одним из диалектов арамейского языка был сирийский. Сирийская литература распространялась среди армян в связи с христианской проповедью, в этом смысле она может рассматриваться в качестве аналога греческой.

Разумеется, потребности армян в литературе удовлетворялись прежде всего фольклором или книжными сюжетами, проникавшими и распространявшимися через фольклор. Мовсэс Хоренаци множество раз указывает на фольклорные источники своего изложения. Так, он был знаком со сказаниями о царе Еруанде (Мов. Хор., с. 162.1), с преданиями, созданными в г. Хадамакерте (Мов. Хор., с. 111.2—3), с песнями из Голтана (Мов. Хор., с. 191.17), он приводит примеры из эпического цикла *араспелк* (Мов. Хор., с. 85.16, 199.21). Но наряду с устной литературой существовала и книжная стихия, пока иноязычная. Когда наступник Мехружан Арцруни в 60-х годах IV в. вторгся в Армению, он «предал огню все найденные книги, запретил изучение греческой письменности, 146 [повелел учить] только персидскую. Никто не имел права гово-

рять и переводить с греческого». Таким путем он стремился пресечь распространение христианства, заключает автор (Мов. Хор., с. 301.17—23). И конечно, с книгами имели дело ученики основанных католикосом Нерсэсом I греческих и сирийских школ (Павст., с. 77).

Таким образом, к V в. за плечами у армян, точно так же как у грузин и у кавказских албан, был долгий опыт иноязычной письменной практики. Высказывались мнения, что в этот период имелась письменность и на родном языке, образцы которой, однако, не сохранились. Надо отметить, что данные, привлекаемые для подтверждения этой точки зрения, не выдерживают строгой критики [ср.: Пивазян, 1962; Агаян, 1977]. Тем не менее возможность ограниченного использования какой-либо системы, приспособленной к специфике армянского языка, не исключается. Образцом такого рода графической системы были «Даниилковы письмена» (о которых речь пойдет ниже), хотя опыт их применения имеет негативный характер. Но собственная письменность, обслуживающая общество в целом, появилась в V в. В равной степени это относится и к Грузии, и к Албании.

Разумеется, потребность в письменности не могла быть восполнена иноязычной графикой и литературой, и противоречие между общим уровнем цивилизации и лакуной, обусловленной отсутствием графики, соответствующей родному языку, росло от столетия к столетию. Этим определяется, однако, лишь общий фон, на котором создавалось армянское письмо. Причины, актуализировавшие проблему, носят более конкретный и непосредственный характер.

По-видимому, уже во II в. христианство пустило корни также и в Армении. В начале IV в. (наиболее обоснованной датой следует считать 314 г.) христианство было признано государственной религией аршакидской Армении. Этот акт связан с деятельностью Григория Просветителя. Церковь превратилась в могучую политическую и экономическую силу, однако впереди была еще долгая борьба — и ради искоренения язычества, и с целью подавить ереси. В условиях, когда Армения, зажата между сасанидским Ираном и Византийской империей, должна была постоянно изыскивать пути для сохранения своей политической обособленности, христианство стало идеологией, символизировавшей независимость от Ирана. Но давление извне нарастало, и в 387 г. «Великая Армения» была разделена между Сасанидами и империей. В той части, которая отошла к Византии, царская власть была упразднена. На востоке же правление Аршакидов продолжалось, хотя становилось все более и более очевидно, что политической независимости и этой 147

части Армении приходит конец. Испытывая возрастающее давление извне, общественный организм армян не утратил, однако, своей дееспособности. В экстремальных условиях «этнозащитная реакция» (по удачной терминологии Э. Л. Мелконяна) приобрела особую силу. Идеологией же, которая соответствовала далеко продвинувшемуся и уже устоявшемуся этническому самосознанию, было то же христианство. Проповедь его в этот период должна была быть особенно актуальной, а трудности, связанные с отсутствием собственной письменности, восприниматься особенно болезненно.

Христианство шло в Армению из сироязычных и грекоязычных областей; центром первой из них считалась Эдесса, второй — Кесария. Соответственно и литература — богослужebная и богословская — использовалась на двух языках, что предопределяло также (по крайней мере частично) язык богослужения. Естественно, что это обстоятельство существенно сказывалось на эффективности христианской проповеди. Степень распространения сирийского и греческого не следует преувеличивать. Несмотря на то что в армянском было немало заимствований из греческого и сирийского (причем сирийские заимствования касались непосредственно церковного устройства и ритуала), для армянского уха это были совершенно чуждые языки, не вызывавшие никаких лингвистических ассоциаций¹. Эти обстоятельства в совокупности побуждали к радикальному решению проблемы создания собственной письменности.

История изобретения армянского письма получила широкое освещение в письменных источниках, среди которых наиболее важны два. Это «Житие Маштоца», сочиненное учеником создателя письменности Маштоца — Корюном (ок. 443—449 гг.), и первый раздел исторического труда Лазара Парпеци (ок. 500 г.). Рассказ Мовсеса Хоренаци восходит к этим двум сочинениям.

Все источники утверждают, что инициатива в создании письменности принадлежала двум лицам — Маштоцу (в поздних источниках он зовется также Месропом) и католикосу Сахаку Партеву. Их идеи о создании собственного письма получили поддержку царя Врамшапуха Аршакуни, который сообщил им о том, что у сирийского епископа Даниила уже

---

¹ Павстос Бузанд сообщает, что в начале IV в. те, кто в какой-то мере приобщился к христианству, принимали его не так, как следовало, т. е. со знанием, с надеждой или верой, но постигнув лишь немногие разделы греческой и сирийской словесности. Неграмотные же (как знать, так и простолюдины) — даже если бы учителя сидели с ними день и ночь — ничего не понимали и не запоминали (Павст., с. 33).

имеется армянский алфавит. Алфавит был доставлен в Армению. Маштоц в течение двух лет (или двух месяцев?) вел занятия с учениками, но «Данииловы письма» были недостаточны для передачи армянских звуков. О происхождении «Данииловых писем» можно лишь гадать, однако нет сомнения, что это был алфавит, весьма неудобный для фиксации богатого гласными армянского языка. Негативный опыт применения «Данииловых писем» оказался весьма важен — именно этот опыт стимулировал создание алфавита, оразившего весь набор звуков армянского языка. Маштоц с учениками направился в Сирию и здесь, в Самосате, создал новый алфавит. Графическую законченность армянской азбуке придал греческий каллиграф Хропанос (Руфин). На основе новой письменности начал осуществляться перевод Библии, который явился, таким образом, первым памятником армянской письменной литературы.

1. Генезис армянского алфавита продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Стилистические особенности древнейшего вида письма заставляют многих ученых связывать происхождение армянской графики с греческой. Высказываются мнения, что армянский алфавит — всецело искусственного происхождения, что он является набором знаков, заимствованных из различных письменностей. Было предпринято несколько попыток связать армянский алфавит с разновидностями среднеперсидского письма (восходящего, в свою очередь, к арамейскому). Наконец, полагают, что, создавая собственную азбуку, Маштоц отталкивался от одной из не дошедших до нас разновидностей северомесопотамского арамейского письма [см.: Ачарян, 1928; Дирингер, 1963, с. 378—380; Периханян, 1966; Ольдерогге, 1975; Pataridze, 1975; Муравьев, 1980]. Идея о связи армянского письма с арамейским (А. Г. Периханян) пока представляется наиболее обоснованной. Однако уже в древнейших памятниках армянское письмо предстает далеко ушедшим от своего генетического прототипа, не говоря о том, что арамейский алфавит с его 22 знаками мог послужить лишь отправной точкой в графических изысканиях Маштоца.

Алфавит Маштоца насчитывал 36 знаков, точно соответствовавших фонематическому составу армянского языка. Порядок букв тот же, что и в греческом, избыточные (по сравнению с греческими) буквы следовали вперемежку. Полностью представлены гласные армянского языка, причем звук /у/ выражался так же, как и в греческом, — сочетанием двух знаков $\mu\epsilon = \text{ou}$. Начертания букв стилизованы под греческий унциал. Но, конечно, основное сходство проявляется не в этих внешних признаках, а в самом принципе фонетического письма.

Следует думать, что основная трудность при создании графики заключалась не в оформлении отдельных знаков, а в правильном определении фонематического состава армянского языка и в выработке принципов орфографии. Эти принципы достаточно последовательно выдержаны уже в самых ранних образцах письма. Хотя язык претерпел значительные изменения, древняя орфография удержалась до XX в., и лишь в последние десятилетия в правописание армян в СССР были внесены некоторые изменения.

2. Сведения первоисточников о времени создания армянского алфавита, соответственно и письменности противоречивы. В науке долгое время дискутировался вопрос о датировке этого события, причем предлагались даты от 393 до 420 г. В настоящее время распространение получила точка зрения венского ученого-мхитариста Нерсеса Акиняна, датирующего этот акт 405—406 гг. Известно, что сразу по изобретении письма Маштоц приступил к переводу св. Писания. В источниках даже указываются слова, впервые записанные армянскими буквами: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума» (Прит. I, 2). Таким образом, начало собственной рукописной культуры у армян определяется совершенно точно.

Зародившись в V в., средневековая рукописная книга у армян бытовала до XVIII в. В 1512 г. появилась первая печатная книга, но рукописи еще долгое время конкурировали с печатными изданиями. Известны случаи, когда изготовлялись рукописные списки с печатных книг². В XIX в., однако, наступает резкий спад. Правда, и в это время зачастую стилизуют древние рукописи, но они выглядят уже явным анахронизмом и окончательно уступают место печатным изданиям. Таким образом, средневековая рукописная книга просуществовала в Армении и в местах расселения армян за рубежами их исторической родины 13 столетий, с V по XVIII в.

Общим признаком, определяющим рукопись как армянскую, является всегда ее графика и в преобладающем большинстве случаев язык. В V в., когда появилась письменность, древнеармянский литературный язык был, по-видимому, полностью нормализован. В науке этот язык назван *грабаром* (букв. 'письменный'). На грабаре продолжали писать до конца XIX в., хотя уже в середине века новоармянский литературный язык приобрел права гражданства. В XII в. получает

---

² См., например, рук. ГПБ, Арм. о. к. № 11, л. 10а—20б. Это — список 1713 г., выполненный в Каменец-Подольском по экземпляру собрания трудов Нерсеса Шнорхали (XII в.), изданного в Венеции в 1643 г.

распространение также среднеармянский язык, который существует с грабаром, а в поэзии стремится вытеснить его. В позднее время наблюдается явная вульгаризация грабара, приближение его к разговорному языку.

Наряду с рукописями на армянском языке сохранилось некоторое количество тюркоязычных, но записанных армянской графикой. Среди этих рукописей по языковому признаку выделяются две основные группы — на половецко-кыпчакском и турецком языках. Перенесение графики с одного языка на другой — явление, широко распространенное на Востоке, и армяне пополнили эту практику еще одним примером.

3. Рукописная книга в Армении сразу же приняла форму кодекса, в этом смысле армянские рукописи следуют установившейся греческой и сирийской традиции. В практике встречались также и свитки, но всегда со специфическим содержанием. Как правило, это талисманы.

Первоначальным писчим материалом служил пергамен. Папирус в Армении не применялся³. Пергамен использовали на протяжении всего периода бытования армянских рукописей, пергаменные кодексы и свитки встречаются еще в XVIII в. Материалом для изготовления пергамена служили овечьи и телячьи кожи. Особенно высокого качества достигали мастера в Киликийском армянском государстве. Киликийский пергамен отличается тонкостью и белизной, которая сохранялась на протяжении столетий. Пергамен из собственно Армении и из других рукописных центров толще, грубее, отличается желтоватым оттенком.

С IX—X вв. в Армении распространяется бумага. Древнейшая датированная рукопись на бумаге — от 981 г. (Матенадаран, № 2679). Данных о происхождении бумаги нет, но для большинства рукописей характерна восточная бумага. Бумага западного типа начинает применяться лишь в период позднего средневековья. До XI в. включительно основным писчим материалом оставался пергамен, и лишь со следующего столетия можно говорить о явном преобладании рукописей на бумаге. Так, среди 65 рукописей Матенадарана, датируемых XII в., 15 на пергамене и 50 на бумаге. Учитывая случайный подбор нынешнего собрания рукописей Матенадарана, эти данные представляются достаточно репрезентативными.

Армянские рукописи, как правило, одевались в переплет. Переплет ordinарной рукописи имел деревянные створки

³ Известен лишь небольшой фрагмент папируса с греческим текстом, транскрибированным армянскими буквами. По-видимому, это текст учебного содержания, происходящий, судя по писчему материалу, из Египта [см.: Ташьян, 1898, с. 93—102; Leroy, с. 1938].

толщиной в несколько миллиметров (толщина их увеличивалась с возрастанием формата рукописи). Створки обтягивались кожей, в редких случаях — тканью (в позднее время). Переплет надевался на стопку прошитых и сшитых вместе тетрадей (в каждой тетради — до 6 двойных листов). Продольный срез рукописи был защищен клапаном, створки переплета застегивались с помощью одного-трех поясков. По мнению Б. Н. Аракеяна, сохранились некоторые переплеты еще XI в. [Аракеян, 1958, с. 318]. При этом он ссылается на рукописи Матенадарана № 4804, 3793, 275. Но по крайней мере вторую и третью рукописи из этого списка следует исключить. Рукопись № 3793 переписана в 1053 г., но сохранилась запись переплетчика от 1587 г. (л. 44а). Рукопись № 275 переписана в 1071—1079 гг., но записи переплетчика относятся также к позднему времени, см. л. 264б, 267б, 269а [Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 4804, 3793, 275].

Кожанный переплет имеет, как правило, орнаментацию. Орнамент вытисняли по влажной коже с помощью штампа, количество штампов с течением времени возрастало. Но и с помощью одного-двух штампов можно было составить довольно сложный орнамент. Иногда на переплете вытиснялась надпись [см., например, рук. ИВ АН, арм. рук. В 14]. Кожа окрашивалась обычно в коричневый цвет разных оттенков, реже — в красный и совсем редко — в черный. Переплет украшали металлическими накладками, крестом, драгоценными или полудрагоценными камнями. Встречаются и металлические переплеты из массивных листов или из проволочного плетения. Серебряные, а тем более золотые оклады редки.

В дорогие переплеты одевались, как правило, евангелия. В Матенадаране хранится «Эчмиадзинское евангелие» 989 г. в резном костяном дшитихе VI в. Для книг иного содержания обычно предусматривались обычные переплеты.

Для техники переплетения рукописи характерно наличие в ней так называемых защитных листов — пергаменных или бумажных. Листы вшивались в начале или в конце рукописи, часто и в начале и в конце ее. Количество листов варьировалось. Это, как правило, листы из более древних рукописей — с текстом или с миниатюрами, нередко из иноязычных книг. Для этой цели могли применяться и чистые листы. В составе данной рукописной книги защитные листы как носители текста играли совершенно самостоятельную роль. Защитные листы, вшитые в рукопись или, как это бывало нередко, дошедшие до нас отдельно от нее, сохранили множество важнейших текстов ⁴.

⁴ Например, местническая грамота, *газнамак* [Алишан, 1890, с. 430—431], фрагмент из истории Лазара Парпеци [Мурадян—Юзбашян, 1973],

К переплету следует отнести и фрагменты ткани (набойки, вышивки), которые наклеивались на его внутренние створки. Древнейшие образцы армянской набойки сохранились лишь на переплетах, что позволяет в ряде случаев и датировать их [Дурново, 1953].

4. Как уже было сказано, алфавит Маштоца состоял из 36 знаков, соответствующих 36 фонемам армянского языка. Алфавит дошел до нас без существенных изменений, лишь в XIII в. было добавлено два знака — *o* для передачи дифтонга *uo* в закрытом слове, когда он становился простым звуком /o/, и *ϕ*, с помощью которого передавали западноевропейское *f* (в классическую же эпоху греч. *φ* передавалось с помощью аспирированного /*ph*/). Сочетание *ԷԼ* и *Լ* выражалось впоследствии одним знаком.

Применительно ко многим алфавитам теория письма в качестве самых общих категорий устанавливает следующие два типа: а) письмо маюскульное (*scriptura majuscula*), определяемое границами двух параллельных линеек и не выбрасывающее или почти не выбрасывающее за их пределы никаких элементов букв; б) письмо минускульное (*scriptura minuscula*), определяемое четырьмя параллельными линейками, из коих две внутренние заключают то, что можно назвать телом буквы, а две внешние дают границы вытягивающихся вверх и вниз осей, петель, крюков и т. д. [Добиаш-Рождественская, 1936, с. 57]. К армянскому письму эта классификация применима в той же мере, что и к греческому, латинскому, грузинскому, славянскому и др. Подобное разделение обнаруживается даже в сирийском письме (см. очерк Е. Н. Мещерской в наст. изд.).

К маюскульной группе относится «заглавный», «округлый» или «собственно месроповский» *еркатагир*⁵. Его называют также унциалом, лапидарным письмом и др. Это, по-видимому, древнейший из армянских шрифтов, торжественное письмо как рукописей, так и надписей на твердом материале, главным образом на камне. Округлый еркатагир образуется сочетанием вертикальных осей и связывающих их дуг и углов при небольшом количестве горизонтальных прямолинейных элементов. Связи между буквами нет, словораздел отсутствует. Округлый еркатагир употреблялся до XIII в., в дальнейшем он использовался для заглавий.

Другой разновидностью еркатагира является «прямолинейный еркатагир», который в научной литературе обозна-

фрагмент из травника греческого ученого Диоскорида; рукопись датируется VI в. [Гранстрем, 1956, с. 285, табл. на с. 286].

⁵ *Еркатагир* — букв. «железное письмо». Удовлетворительным образом термин пока не истолкован.

чается также как «среднемесроповский», или полуунциал. Как показывает само название, дугообразные или ломаные связи в этом письме уступают место прямолинейным. Прямолинейный еркатагир выводится вертикально или с наклоном вправо. Как и в предыдущем случае, связи между буквами и слово-раздел отсутствуют. Датированные памятники этого письма восходят к X в., оно удержалось, как и округлый еркатагир, до XIII в.

Округлый и прямолинейный еркатагир образуют две основные группы маюскульного письма. Наряду с ними в качестве разновидности часто выделяется «мелкий еркатагир». По существу, это уменьшенный в размерах прямолинейный еркатагир. Мелкий еркатагир — довольно четкая разновидность письма, которая сразу же бросается в глаза на общем фоне армянского письма. Но она не содержит конструктивных отличий, поэтому вряд ли целесообразно определять ее в качестве самостоятельного вида письма.

Минускульная группа представлена тремя видами письма. Это в первую очередь *болоргир*, «круглое письмо», которое вопреки своему названию образуется сочетанием почти исключительно прямолинейных элементов⁶. Буквы обычно выписываются с наклоном вправо (хотя встречается написание и с вертикальной осью), появляется некоторая тенденция к вязи. Между группами слов, а позднее и отдельными словами появляется дистанция. Древнейшие датированные памятники восходят к X в. Тот тип болоргира, что употреблялся в Киликийском армянском государстве в XIII в., послужил основой для типографских шрифтов, которые были в ходу до самого последнего времени и сейчас еще не полностью уступили место новым. Болоргир убористее еркатагира.

Нотргир — «нотариальное письмо» (в литературе зовется также курсивом). Образуется сочетанием прямолинейных, округлых и волнистых элементов. Нотргир мельче болоргира, при пользовании этим шрифтом достигалась известная экономия писчего материала. При переписке канонических книг (Ветхого и Нового завета) и некоторых других этим письмом обычно не пользовались. Древнейшие образцы нотргира восходят к XIV в.

Шлагир образуется сочетанием прямолинейных, ломаных и округлых элементов. Сравнительно широкое распространение шлагир получает начиная с XVII—XVIII вв., хотя известен он был уже в X—XI вв. Это письмо послужило основой современной скорописи.

Появление новых видов письма происходило эволюционным путем, сохранилось множество рукописей с шрифтами переходного характера. В пределах каждого из названных пяти видов возможны многочисленные вариации.

Уже древнейшие образцы письма сохранили знаки развернутой пунктуации и знаки просодии (обозначавшие дополнительные особенности речи независимо от основной артикуляции звука). Таких знаков насчитывается десять, они заимствованы у греческих грамматиков, а обозначающие их термины — кальки с греческого.

В рукописной практике пользовались аббревиатурами под титлом. В еркатагире сохранились только «господние» имена — «Господь», «Бог», «Иисус», «Христос», «святой», «Израиль», «Иерусалим». В последующем аббревиация применяется намного шире, появляются также идеограммы, обозначающие наиболее распространенные понятия, — «земля», «небо», «солнце», «луна» и т. д. Распространено мнение, что сокращение текста было вызвано стремлением к экономии писчего материала. Между тем незаметно, чтобы переписчики стремились как-то экономнее заполнить лист, для всего периода функционирования армянских рукописей характерно известное расточительство. Это сказывается в оставлении широких полей, не заполненных текстом иных мест и отдельных чистых листов. Аббревиация, по-видимому, имела целью не столько экономию писчего материала, сколько ускорение процесса письма⁷. Типизация приемов сокращения способствовала бессознательному их применению, аббревиация воспринималась как естественный элемент орфографии. Наиболее распространенные аббревиатуры были усвоены и полиграфией, они удержались в печатных изданиях вплоть до XIX в.⁸.

По-видимому, с самого же начала были определены цифровые значения армянских букв. 36 знаков алфавита составили четыре ряда, в каждом — по девять букв. Первый ряд обозначал единицы, второй — десятки, третий — сотни, четвертый — тысячи. В тексте употребление букв в роли цифр отмечалось титлами, точками и др. Армяне следовали принципам, свойственным издавна семитским алфавитам, усвоенным также и греческим письмом.

Текст армянских рукописей вписывался одним или двумя столбцами, редко — тремя. Количество столбцов задавалось

---

⁷ О равнодушии к экономии писчего материала свидетельствуют и древнерусские рукописи [см.: Сапунов, 1978, с. 93—94].

⁸ См., например, [Худобашев, 1838], где окончания имен *тюн*, *теан*, *теамб* всегда сокращены.

форматом рукописи, а также ее содержанием. Для евангелий среднего формата характерно написание в два столбца, хотя то же поле могло быть покрыто одним столбцом. Дополнительные обозначения, нумерация, а также исправления текста выносились на поля. Под текстом располагались каноны согласия к Писанию, в которых систематизировались отдельные стихи евангелия по их содержанию.

Направление письма, соответственно и чтения — слева направо, от верхней строки к нижней.

Как и на всем христианском Востоке, писали каламом, в дальнейшем перешли к птичьему перу. Специальные насадки позволяли длительное время не обмакивать орудие письма в чернильницу — в этих случаях переписчик пользовался чем-то вроде современной «самописки» [Геворгян, 1960]. В миниатюрах часто встречаются изображения письменных предметов. По этим изображениям можно составить представление о том, что «столом» служила подвешенная к потолку доска, которая опиралась на колени переписчика, чернильница же подвешивалась сбоку. Переписчик пользовался ножом, ножницами и некоторыми другими инструментами. Разумеется, миниатюры представляли эти предметы в стилизованном виде, но в их общем соответствии действительности можно, по-видимому, не сомневаться.

5. Рукописная книга в целом является памятником прикладного искусства. Многие детали рукописи обусловлены не утилитарным ее назначением, а чисто эстетическими соображениями. В переплете это украшения, получаемые тиснением, всякого рода металлические накладки, кресты, камни, эмали, металлические оклады с торевтикой. В самом тексте — заставки, художественные инициалы, маргиналы, обрамления листа или столбцов. Но в наибольшей мере эстетические качества присущи иллюстрациям — притом что они включались в рукопись в соответствии с их смысловым назначением, т. е. с целью разъяснить текст, сделать его более доходчивым. В преобладающем большинстве случаев это иллюстрации к евангелиям и прочим разделам Писания, к богослужебным книгам, но встречаются миниатюры и на светские сюжеты, например изображение Аварайрского сражения 26 мая 451 г. в *шаракноце* (гимнарии) 1482 г. [см., например: Дурново, 1952, табл. 57], изображения заказчиков и переписчиков, портреты⁹ и др. По существу, только рукописи и иконы могли восполнить отсутствие станковой живописи как таковой.

---

⁹ Например, портрет философа Григора Татеваци в рукописи 1449 г. 156 [Дурново, 1952, табл. 48].

Армянская книжная живопись сохранилась в памятниках, начиная с X в. (исключение составляют вышитые в Эчмиадзинское евангелие 989 г. четыре миниатюры VII в. [Der Nersessian, с. 75—78]). К этому времени армянская живопись в полной мере обрела собственное лицо, неповторимость которого нашла отражение в произведениях десятков школ и направлений. Эта живопись развивалась, конечно, во взаимосвязи с искусством христианского, а впоследствии и мусульманского Востока. Общая регламентированность присуща армянской миниатюре в той же мере, что и любому другому разделу средневекового христианского искусства. Но, как и во всяком большом искусстве, каноничность, верность иконографическим схемам сочетаются с индивидуальностью отдельных школ, а в их пределах — отдельных мастеров. Это разнообразие можно исследовать, рассматривая развитие книжной живописи во времени и в пространстве. В настоящее время история армянской миниатюры интенсивно изучается как в СССР, так и за рубежом.

6. Общий фонд армянских рукописей, в которых была материализована армянская литература, возрастал по мере появления новых сочинений и новых списков. Одновременно он сокращался по мере обветшания рукописных книг и их гибели, в результате враждебных акций, отчасти стихийных бедствий и неблагоприятных условий хранения. Можно думать, что до нас дошло преобладающее большинство сочинений, созданных на армянском языке в V—XVIII вв., но судить по количеству сохранившихся списков об их распространенности было бы опрометчиво. Вернее сказать, обилие списков говорит о популярности того или иного сочинения, но редкость их сама по себе не может быть аргументом в пользу его малого признания. Случайность может сыграть здесь очень большую роль. Так, например, один из важнейших памятников армянской историографии, труд Лазара Парпеци (ок. 500 г.), в полном виде сохранился лишь в сборнике исторических сочинений, переписанном в 1672 г., и этот список явился прямым или опосредованным образцом для копий XVII—XVIII вв. [Лаз. Парп., с. IV—X]. Лишь несколько лет тому назад в собрании ИВ АН СССР был обнаружен фрагмент, датируемый XI—XII вв. [Мурадян — Юзбашян, 1973]. Между тем нет никаких оснований думать, что сочинение Лазара Парпеци не пользовалось популярностью. То же можно сказать и об историке VII в. Себэосе (или псевдо-Себэосе). Его сочинение сохранилось в том же сборнике, что и труд Лазара Парпеци, к этой редакции восходят позднейшие копии [Себэос, 1979, с. 30 и сл.].

Число армянских рукописей, сохранившихся до наших дней, определяют в 25 тыс. Эта цифра отражает лишь коли-

чество единиц хранения в собраниях и никоим образом не может дать представления о наличии рукописных книг в прошлом. Действительно, с учетом того, что каждая рукопись выполнена по образцу (а сохранилась и известна лишь небольшая часть этих образцов), эту цифру приходится почти удвоить. Далее, большинство рукописей содержит защитные листы — пергаменные или бумажные, с текстом. Это фрагменты некогда существовавших рукописей, до нас целиком не дошедших. Таким образом, даже если исключить из них фрагменты с иноязычным текстом, общую цифру известных рукописей следует увеличить и по этим соображениям. Почти в каждом хранилище имеются собрания фрагментов, часть которых составляют защитные, часть же выпавшие листы. Разумеется, и эти остатки следует рассматривать как свидетельства о некогда бывавших манускриптах. Но даже с учетом всех этих коррективов полученная общая цифра отразит лишь небольшую часть некогда существовавших книг. Конечно, статистические подсчеты, распространенные на весь фонд рукописей или хотя бы на фонд только Матенадарана, могут дать известное представление о количественном соотношении различных рукописей (соответственно их назначению и содержанию). Но такие подсчеты — достаточно трудоемкие и сложные — еще не производились. Пока же с уверенностью можно сказать, что наиболее распространенной книгой, по данным начиная с XI в., было Четвероевангелие — именно Четвероевангелие с его канонической структурой (а не Новый завет или св. Писание в целом, рукописи которого достаточно редки).

7. История рукописной культуры, тесно связанная с изучением истории литературы, в одном из аспектов резко от нее отличается. Для истории литературы наиболее существенным является изучение процесса создания литературного произведения. Историк же рукописей интересуется функционированием этой литературы. Здесь особую важность приобретают вопросы, связанные с оформлением литературного памятника, его материализацией в рукописной книге. Типология рукописной книги обладает спецификой, отличающей ее от типологии литературных памятников средневековья.

Основными разделами восточнохристианских литератур являются канонические сочинения, богослужебные книги, богословие, агиография, историография, философия, право, поэзия и художественная проза, эпистолография, грамматика, лексикография, медицина, химия, календарь и др. (впрочем, почти тот же репертуар свойствен и мусульманскому Востоку). Самостоятельным компонентом являются колофоны рукописей. Все эти жанры представлены и в армянской литературе. Незави-

симо от своего содержания (исключение, вероятно, составляли лишь богослужебные книги, да и то не все) рукописи могли принадлежать монастырю, церкви, составлять собственность дворцовой библиотеки, находиться в личном пользовании клирика или мирянина. В зависимости от содержания они становились предметом индивидуального чтения, чтения (и вообще использования) в семейном, дружеском, учебном, церковно-приходском или монастырском коллективе.

Говоря о средневековой книге, следует иметь в виду следующую ее особенность. Во многих случаях объем рукописной книги как таковой оказывается шире, чем границы того или иного сочинения. Разумеется, можно выделить значительное число книг, в которых реализуется по одному сочинению. Таковы, как правило, рукописи Четвероевангелия, таковы богослужебные книги (литургия, требники), таковы гимнарии, псалтири и др. Впрочем, и в этом случае границы устанавливаются не жестко. Даже такой канонизированный памятник, как Четвероевангелие, может фигурировать в сочетании с дополнительными разделами (например, посланием Евсевия к Карпиану о канонах согласия и с самими канонами) или без них. Наконец, даже при полном совпадении основного содержания рукописи отличаются своими колофонами — последние должны были восприниматься как неотъемлемая часть данной рукописи.

Впрочем, даже те сочинения, которые функционируют как единое целое и снабжены специальным заглавием, часто являются сборными по своему характеру. Так, например, лекционарий (в армянском обозначении *Чашоц*), содержащий отрывки из Ветхого и Нового завета, расположенные применительно к церковной службе и разнесенные по определенным дням церковного календаря, по существу, является сборником, причем сборный характер должны были ощущать и средневековые книжники. Выделение отдельных разделов, ссылки и пр. преследовали, конечно, практические цели, но они же выдавали и сборный характер этих рукописей. То же можно сказать и о гомилияриях (*чарынтир-тонакан*), составленных из сочинений отдельных авторов, разделенных веками, о синаксарях, содержащих жития святых, расположенных по календарю, о гимнариях (*шаракноц*), о книге басен Мхитара Гоша (XIII в.) с неизменным составом и о многих других рукописных книгах, четко определенных заглавием.

Наконец, определенную часть рукописей составляли сборники в том смысле этого слова, который придают ему авторы современных каталогов. Нередко такие сборники содержат материал, подбор которого носит совершенно случайный харак- 159

тер. Средневековый переписчик мог создавать книгу, довольствуясь или будучи ограниченным исключительно подручным материалом. Однако можно выделить сборники и тематические, с различной степенью обязательности, нормативности в подборе. Творческие наклонности составителя в них выявлены, разумеется, ярче¹⁰.

В качестве примера последних обратимся к сборникам исторических сочинений.

В Матенадаране хранится рукопись под № 2639, переписанная в монастыре Амрдол в 1672 г. Книга содержит исторические труды Агафангела, Мовсэса Хоренаци, Месропа Вайоцдзореци, Лазара Парпеци, Себэоса и Корюна. Налицо тенденция объединить в одном переплете древнейших авторов или авторов, повествующих о древнейших событиях армянской истории, до V в. включительно. Выпадает лишь Себэос, писатель VII в., значительную часть труда которого составляет описание современных автору событий. Но и у него имеется раздел, освещающий древнейшие времена. Эта рукопись была переписана по заказу известного писателя XVII в. Вардана Балишеци [Себэос, 1979, с. 30—35].

В 1676—1678 гг. два переписчика — Тума и Григор — переписали книгу в 554 листа. Книга содержит труды Мовсэса Хоренаци, Асолика, Аристокэса Ластивертци, «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, Агафангела, апокрифическую грамоту о единении, труды Месропа Вайоцдзореци, Зеноба Глака, Йовхана Мамиконеана, Павстоса Бузанда, Елише, Степанноса Орбелеана, Михаила Сирийца, Вардана Бардзрбердци, Киракоса Гандзакеци, «Церковную историю» Сократа Схоластика [Аристокэс, 1963, с. 12]. Здесь можно выделить группы сочинений, между которыми прослеживается внутренняя (хронологическая) связь, но в целом подбор рукописей носит скорее случайный характер. Вполне возможно, что отдельные разделы, состоящие, в свою очередь, из нескольких сочинений, являются копиями отдельных сборников. Так, сочетание Мовсэс Хоренаци — Асолик — Аристокэс Ластивертци обнаруживается в рукописи Матенадарана № 2865 [Аристокэс, 1963, с. 8—9], переписанной в XIII—XIV вв., но в значительной своей части обновленной позднее.

Такой же характер книги для чтения по истории вообще носит рукопись ИВ АН СССР С 59. Книга переписана по заказу упомянутого выше Вардана Балишеци в 1678 г. в Исфахане,

---

¹⁰ На необходимость различать сборники с однородным и неоднородным содержанием обращают внимание и другие авторы, см., например, 160 [Акимушкин и др., 1964, с. 10—12].

над ней работали три переписчика — Гаспар, Йовсэп и Мартирос. Рукопись содержит «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, «Историю Албании» Мовсэса Каланкатуаци, «Историю племени стрелков» Григора Аканци.

Выделяются сборники философских сочинений, поэтические сборники, сборники права. Последние весьма разнообразны по своему составу, но в каждом отдельном случае они соответствуют той или иной модели [Тиграмян, 1918].

В изобилии рукописей сборного содержания сказывается традиционный характер средневековой культуры, стремящейся консервировать и в то же время актуализировать литературные труды независимо от времени их появления.

Содержание рукописи, характер литературного текста определяли в значительной степени ее оформление. Если отвлечься от декора рукописной книги, можно отметить следующие закономерности.

Рукописи Писания создавались с применением еркатагира, как округлого, что было заурядным явлением, так и прямолинейного. Примером последнего могут служить вшитые в Цулрутское евангелие 974 г. листы, содержащие большую часть Евангелия от Иоанна и датируемые палеографически X—XI вв. Здесь текст писан прямолинейным еркатагиром без наклона [Овсепян, 1913, табл. XXIV, № 45]. При выходе за пределы основного содержания рукописи шрифт обычно меняется. Так, древнейшая датированная рукопись — Лазаревское евангелие 887 г. — писана округлым еркатагиром, но расположенные под основным текстом буквы-цифры канона согласия выведены мелким еркатагиром [Абрамян, 1973, с. 62]. В Евангелии 1045 г. основной текст записан округлым еркатагиром, а колофон — прямолинейным или, скорее, мелким [Овсепян, 1913, табл. XXXIV, № 49]. Впоследствии евангелия стали писать болоргиром и очень редко — нотргиром.

Для рукописей иного содержания применялись прямолинейный еркатагир и все последующие виды письма. И здесь варьирование было обычным явлением.

Таким образом, можно заметить, что применение того или иного вида письма в рукописной практике определялось прежде всего сакральными обстоятельствами. В период господства еркатагира евангелия писались как округлой его разновидностью, так и прямолинейной. Но нам неизвестны иные, кроме евангелий, тексты, писанные округлым еркатагиром. Естественно предположить вслед за А. Ташьяном, что обе разновидности еркатагира были оформлены одновременно, округлый еркатагир предназначался для св. Писания, а прямолиней-

ный — для рукописей неканонического содержания. В дальнейшем появилась свобода в применении видов письма, но тенденция не совсем умерла, она отразилась в том, что избегали применять нотргир (не говоря уже о шлагире) для переписки евангелий.

Общая же эволюция письма диктовалась, по-видимому, как субъективными, так и объективными соображениями. Можно не сомневаться в том, что на пути от еркатагира к шлагире скорость письма увеличивалась. И хотя письмо становилось мельче, именно скорость, а не экономия писчего материала (как об этом уже говорилось) способствовала эволюции. Объективные же последствия выражаются в растущей легкости чтения, которая появляется при переходе от ранних видов письма к более поздним. Описки, которые неизбежны в рукописях, обусловлены чаще наличием образца, писанного еркатагиром, чем другими видами письма.

Уже говорилось, что в армянской рукописной практике широко применялась аббревиация. Для еркатагира она распространялась только на господние имена, но уже в болоргире аббревиации подвергаются грамматические форманты. Затруднений при чтении это, вероятно, не вызывало. В некоторых разделах естественнонаучной литературы применялись специальные значки для обозначения таких понятий, как «земля», «солнце», «луна» и др. Эти знаки были достаточно унифицированы, и их знание не предполагало особой подготовленности, но на практике применялись (в ограниченных пределах, конечно) и такие системы идеограмм, чтение которых требовало знакомства с ключом. Их расшифровки встречаются в рукописях соответствующего содержания.

8. Значительная часть армянских рукописей снабжена более или менее пространными приписками, исходящими от лиц, так или иначе причастных к созданию и последующему бытованию рукописной книги. Изучение рукописной культуры в социальном аспекте оказывается возможным именно благодаря этим припискам. Приписки (об этом подробно см. ниже) выступают в качестве самостоятельного литературного жанра, они отвечают требованиям этого жанра и не могут рассматриваться как «адекватное», «реалистическое» воспроизведение действительности. Тем не менее критический подход к ним позволяет выделить огромное количество фактов, характерных для процесса создания и дальнейшего функционирования манускриптов.

Согласно сведениям армянских авторов (например, Елише и в особенности Лазара Парпеци), образование в Армении становилось делом не только духовенства. В княжеской среде

любили и ценили книгу (хотя бы в пределах св. Писания), владели грамотой. Однако, судя по припискам, переписчиками рукописей выступают, как правило, духовные лица. Причастность к этому светских лиц было явлением исключительным. Книги переписывают дьяконы, священники, вардапеты (весьма распространенные в Армении носители титула архимандрита), епископы. Степень участия низшего духовенства (как белого, так и черного) намного выше, чем высшего. Далее, принадлежат к монастырской братии или причту, переписчики часто выступают в качестве индивидуальных творцов книг, не будучи связанными какими бы то ни было корпоративно-профессиональными узами. Конечно, и в Армении были скриптории, где труд носил более или менее коллективный характер. Так, для VI в. известен скрипторий, где работало 36 вардапетов. Можно отметить множество рукописных центров, для которых характерна известная традиционность в оформлении манускриптов. Иногда мастера объединялись при переписке одной книги. В Матенадаране хранится Евангелие, переписанное восемью мастерами [Дурново, 1952, табл. 40—42]. Но большинство книг создавали мастера-одиночки. При изучении процесса создания рукописной книги бросается в глаза безусловное разделение труда. Главными участниками этого процесса являются переписчик, иллюстратор, мастер, подготавливающий писчий материал (пергамен или бумагу), линовальщик, вычитчик, переплетчик, реставратор. К участникам создания рукописи в какой-то мере должны быть отнесены владельцы образца, представляемого копиисту, и те, что снабжали мастера продуктами питания, создавали ему условия труда. И наконец, следует вспомнить в связи с этим и заказчиков, ибо им принадлежал выбор текста для копирования, стало быть, они определяли направление, по которому шло умножение общего книжного фонда. Каждому из названных участников соответствовали определенные термины. На практике, конечно, профессии могли совмещаться. В первую очередь это относится к переписке и украшению, художник выступал также в качестве классного каллиграфа. Тем не менее представление о дифференциации труда держалось прочно.

Итак, приписки являются своеобразным литературным произведением, отвечавшим законам жанра. Но они же объективно отразили некоторые общественные требования к создателям книг. Согласно этим требованиям, содержание книги является предметом восхищения и поклонения. Копируемый образец нередко наделяется восхваляющими эпитетами. В то же время переписчик, иллюстратор и другие приступают к работе, исполненные смирения и сознания собственного ничтожества. 163

В приписках можно найти не менее 15 эпитетов, обозначающих душевное состояние: «ничтожный», «недостойный», «невежда», «слабый», «недостаточный» и т. п. Столь же распространенной является просьба, обращенная к читателю, — быть снисходительными к ошибкам, «ибо возможности наши таковы». И наконец, сознание того, что книга останется и после смерти ее изготовителя, останется на века. Подобные настроения присущи творцам рукописной книги независимо от их социального или культурного уровня. Отношение создателя рукописи к своему труду, как это вырисовывается в приписках, — важный показатель социальной психологии, хотя, конечно, нельзя считать ее присущей каждому индивидууму в отдельности (даже в тех случаях, когда он сам на этом настаивает в приписке!).

Общественным сознанием продиктованы также и жалобы на «горькие и тяжкие времена», обусловленные иноземным владычеством. Здесь личное (адекватное) восприятие подкреплено общественным, формирующимся на протяжении столетий и становящимся необходимым компонентом в национальной психологии средневековых армян.

Наряду с этим переписчик (или иное лицо, участвовавшее в создании книги) обращает внимание на реальные обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться в работе. Речь идет о бытовых деталях — недостаточном освещении, дурном состоянии образца, холоде, голоде и т. д. Переписчики часто жалуются на изнурительность труда, сетуют на нездоровье, слабость зрения [ср.: Абрамян, 1973, с. 305 и сл.; Хачикян, 1955, с. II—V]. В книге нередко фиксируется благодарность за принесенные продукты — хлеб, мед и др. В так называемом Ахпатском Евангелии 1211 г. на одном из полей сохранилось изображение рыболова с удочкой и рыбой на плече [Дурново, 1952, табл. 14]. Приписка гласит: «Шераник, всякий раз приходя, приноси с собой рыбу!» Можно не сомневаться, что здесь содержится прошение о помощи в момент создания книги, помощи, которая уже оказывалась ранее рыболовом. Запись и изображение хорошо согласуются с благодарениями за доставленные припасы, обычными в приписках.

Каковы были затраты труда и каковы были цены на рукописи? Учитывая разнообразие рукописных книг, мест их производства и эпох, было бы бессмысленно пытаться вывести средние цифры. Тем не менее уместно привести некоторые примеры.

В 1331 г. Карапет Тьюбрикеци переписал книгу, содержащую отдельные разделы Библии. Рукопись содержит 278 или 280 листов, размер листа 17,7×12,4 см, бумага, на каждой 164 странице в среднем 550 знаков. Начата перепиской 17 августа,

закончена 20 декабря. Карапет работал 126 дней (а не 123, как значится в литературе). Таким образом, на каждый день приходится два с половиной листа [см.: Хачикян, 1950, № 306, примеч.*** к с. 244; Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 149].

В 1369 г. Степаннос переписал «Книгу скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Рукопись содержит 468 или 472 листа, размер листа 17,5×12 см, болоргир, бумага, на каждой странице около 750 знаков. Начата перепиской 10 июня, закончена 30 сентября. Степаннос работал 114 дней (а не 110, как указано в литературе). В среднем на день приходится 4,14 листа [Хачикян, 1950, № 598, примеч.*] (по подсчетам Л. С. Хачикяна, на день приходится 4,5 листа) [ср. также: Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970, № 5883].

В 1382 г. Мхитар переписал толкование на «Шестоднев» Варфоломея, католического епископа из г. Марага. Рукопись содержит 111 листов, размер листа 16,9×13,8 см, болоргир, бумага. Из приписки явствует, что Мхитар работал 30 дней, стало быть, переписывал в день чуть меньше четырех листов. По подсчетам Л. С. Хачикяна, объем переписанной книги соответствует 8,2 печ. л. [Хачикян, 1950, № 677, и примеч.* к с. 543; см. также: Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 1656].

Давит Бджнеци начал переписывать исторический труд Агафангела 15 декабря и закончил 30 марта. По определению Л. С. Хачикяна, он завершил работу в 1323 г. Рукопись содержит 369 л., размер листа 29×21 см, болоргир, бумага. Давит работал 106 дней (согласно А. Г. Абрамяну — 104 дня), следовательно, на каждый день приходилось приблизительно 3,5 листа [Агатангелос, 1909, с. XXX—XXXIV; Хачикян, 1950, № 232.6; Абрамян, 1973, с. 328; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965, № 1481]¹¹.

Переписчик Меликсет отмечает, что каждую ночь он переписывал 8 листов, а днем 2 или 3. Рукопись содержит требник, размер листа 13,5×8 см, болоргир, бумага. Издатели каталога датируют ее XIV в. [Хачикян, 1955, № 4119; Абрамян, 1973, с. 32; Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970, № 6050].

Конечно, интенсивность ежедневного труда была несколько выше, чем средняя выработка, которая выражается частным от деления количества листов рукописи на количество дней от начала и до конца переписки. Работали ли в воскресенье? Рукопись 1331 г. начата в субботу и кончена в субботу. Рукопись 1369 г. также начата и кончена в субботу. Рукопись

¹¹ Издатели Агафангела и авторы каталога датируют рукопись предположительно 1261 г.

1323 г. (если дата определена верно) начата в четверг и кончена в среду. Кроме того, маловероятно, что работа протекала совершенно ритмично. Иначе трудно представить себе, каким образом переписка книги в 279 листов, размером 17×11,5 см растянулась на семь лет, с 1363 до 1370 г. [Dashian, 1895, № 317, с. 757; Хачикян, 1950, № 603.1; Абрамян, 1973, с. 329].

Мы располагаем также некоторыми сведениями о ценах на рукописные книги и о величине выкупа (во время вражеских нашествий рукописи иногда забирали в качестве добычи в расчете на будущий выкуп, «брали их в плен»). Данные носят отрывочный характер и относятся к разным местам и различным эпохам, так что обобщение их не представляется возможным. Следует думать, однако, что выкупная сумма была больше обычной цены книги, ибо сделка происходила в условиях, невыгодных приобретателю. Выкупались книги, наделенные в глазах современников святостью, что само по себе придавало книге большую цену. Во всяком случае, рукописные книги были очень дороги.

Значительное большинство армянских рукописей делалось по заказу индивидуального владельца, который обозначался термином *стацол* «получатель». Заказывали рукописи как светские, так и духовные лица — от простого мирянина до царя, от сельского дьякона до католикаса. Бывали случаи, когда рукопись поступала коллективному владельцу. В Матенадаране хранится гомилярый (№ 3797), переписанный в Сурхате (Крым) около 1347 г. В качестве коллективного заказчика и собственника выступает множество лиц — торговцев, ремесленников, клириков. В рукописи 72 приписки, заказчиков же несколько больше [Хачикян, 1950, № 446].

Рукопись могла быть заказана для последующего вклада в церковь или монастырь.

Рукописная книга изготовлялась и для продажи. Сохранились рукописи, в колофонах которых — там, где должно значиться имя владельца, — оставлено пустое место. Эти рукописи безусловно предназначались для продажи, но сделка по той или иной причине не состоялась.

9. Переписчик средневековой рукописной книги приступал к своему труду в убеждении, что он творит святое, богоугодное дело. Это сознание возникало в нем независимо от содержания и назначения книги. Создавая новый список, переписчик демонстрировал свои профессиональные возможности, выявлял собственную индивидуальность — в соответствии, конечно, с эстетическими требованиями данной эпохи и данной местности. Но текст лежавшего перед ним образца он обязан был воспроизвести в точности. Бывали случаи, когда переписчик

в процессе своей работы осуществлял известную редакторскую правку — убирал то, что казалось лишним, или обогащал текст своими добавлениями. Но это происходило в тех случаях, когда в одном лице уживался и литератор, и ремесленник: для заурядного переписчика верность тексту являлась основным и неизменным условием. И хотя искажения в тех или иных пределах наличествуют в каждой копии, они появляются вопреки воле переписчика. Они могут быть порождены отсутствием профессиональных навыков, условиями и местом переписки, состоянием воспроизводимого образца и т. д.

Но, рабски копируя чужой текст, средневековый переписчик был наделен правом обратиться к читателям книги, настоящим или будущим, и от собственного имени. Этой возможностью обладали также заказчик рукописи, ее последующий владелец, художник, реставратор — любое лицо, причастное к созданию и будущей жизни манускрипта. Это право реализовалось в колофоне. Колофоны обычны в рукописях на самых различных языках, часто они являются единственным основанием для датировки, выяснения места переписки, имени заказчика и переписчика и пр.

Можно думать, что содержание рукописной книги в большинстве случаев исключало момент ее интимного восприятия. Книги, конечно, не были анонимными, более того, при отсутствии подлинного имени автора появлялось легендарное. Но автор выступал в качестве не реального лица, а скорее носителя определенных абстрактных черт. Отсутствовали и четкие представления о времени жизни автора. Он мог быть либо современником, либо жить в прошлом, без его конкретизации. Во всяком случае, общая тенденция была именно такова.

В то же время внешние признаки обеспечивали книге ее индивидуальность, неповторимость. В отличие от печатной рукописная книга не могла быть представлена хотя бы двумя совершенно идентичными образцами. Не сталкиваясь с одинаковыми книгами, читатель воспринимал их внешнюю неповторимость как норму. Но в наибольшей степени эта индивидуальность обеспечивалась колофоном. И автор колофона, и названные в нем лица всегда конкретны, они принадлежат определенной эпохе, определенному месту. Правда, и колофон — литературное произведение, подчиненное законам жанра. Но персонажи согласно этим законам всегда должны быть реальны.

Для армянских рукописей приписки весьма характерны. Ими наделено значительное число рукописей. Армянские приписки принято называть памятными записями, или *ишатакаранами* (от арм. *йишатак* «память»). Под ишатакараном (в широком смысле слова) разумеется всякая приписка к авторскому 167

тексту, исходящая от лица, причастного к бытованию рукописной книги. Часто в рукописях имеется несколько ишатакаранов, исходящих от различных лиц и включенных в книгу в разные годы и столетия. Впрочем, краткие записи последующих времен, вносившиеся часто случайными лицами, в армянской научной литературе принято выделять в качестве «памятных приписок». Подобное различие принимается во внимание при изучении рукописей и на других языках.

Памятные записи помещаются обычно в конце книги, но нередки случаи, когда переписчик находит им место в начале или в середине рукописи, вписывает в миниатюру, располагает под текстом или записывает ишатакаран в качестве непосредственного продолжения. Письмо ишатакарана может не совпадать с письмом основного содержания. Так, в рукописях, писанных округлым еркатагиром, ишатакаран часто выводится прямолинейным еркатагиром. При иных видах письма подобного различия не наблюдается, но часто можно заметить, как при переходе к ишатакарану меняются некоторые особенности почерка.

Памятные записи, относящиеся к рукописному списку, родственны и сосуществуют с ишатакаранами, исходящими от автора того или иного сочинения, что находит отражение и в сходной терминологии. Так, «Повествование» Аристакаэса Ластивертци (XI в.) заканчивается «Памятным словом (бан *йишатакарани*) настоящей книги» [Аристакаэс, 1963, с. 142.1].

Достоинства ишатакаранов как исторического источника были оценены уже в XVII в., когда известный историк Аракек Даврижеци с их помощью составлял свои хронологические таблицы. В новое время обращение к ишатакаранам как источнику по многим вопросам истории и культуры Армении и сопредельных стран становится заурядным явлением. В лучших каталогах армянских рукописей ишатакараны приводятся полностью, что чрезвычайно важно для кодикологического исследования. В то же время ишатакараны — источник массовый, в связи с чем в последние десятилетия наметилась тенденция к отдельному их изданию в соответствии с хронологическим принципом. На сегодняшний день отдельными книгами изданы ишатакараны: до 1250 г. [Овсепян, 1951], 1301—1400 гг. [Хачикян, 1950], 1401—1450 гг. [Хачикян, 1955], 1451—1480 гг. [Хачикян, 1958], 1481—1500 гг. [Хачикян, 1967], 1601—1620 гг. [Акопян — Иоаннисян, 1974], 1621—1640 гг. [Акопян — Иоаннисян, 1978]. В Матенадаране подготовлено к изданию новое собрание ишатакаранов до 1300 г., собранные ишатакараны 168 XVI в. Опубликована большая подборка в переводе на английский

ский язык [Sanjian, 1969]. Небольшая подборка опубликована на русском языке [Юзбашян, 1973].

Колофоны армянских старопечатных книг генетически восходят к рукописным ишатакаранам, они приводятся в исследованиях, посвященных старопечатным изданиям [Левонян, 1958].

Значительную часть дошедших до нас памятных записей составляют колофоны, подчиненные известным канонам. В определенной последовательности сообщается, что книга переписана рукой такого-то (обычно с уничижительным эпитетом, о чем уже говорилось) во спасение души такого-то (с восхваляющим эпитетом); указываются место и время написания, нередко в различных летосчислениях, с упоминанием современных правителей и патриархов; приводится более или менее пространственный список поминаемых лиц с благопожеланиями; колофон заканчивается просьбой не забыть в молитвах переписчика, банальной сентенцией, иногда угрозой проклятия тем, кто осмелится повредить книгу, и пр. Записи подобного рода тяготеют к определенным формулярам или их отдельным разделам в различных комбинациях.

Приведем записи переписчика и владельца, которые внесены в Евангелие 1488 г.:

«[. . .] Переписано святое евангелие рукой многогрешного и немощного переписчика Мануэла, в деревне Куки, под сенью св. Григория и св. Креста, в летосчисление армянское 900 и 37 [=1488 г. н. э.], в патриаршество владыки католикоса Саргиса и в ханство Якуб-бека.

[. . .] Помяните в святых молитвах ваших меня, недостойного переписчика Мануэла, и родителей моих, отца моего перее Петра и мать мою Аламшат [. . .] и будьте снисходительны к ошибкам и уродству письма, ибо возможности наши лишь таковы, и сократился свет в очах, и заботы и соблазны мира умножились. . .

[Помяните] получателя святого евангелия Сахака, который [. . .] получил его против честных пожитков своих — в память себе и родителям своим, отцу своему Шахриару и матери своей Назак, и братьям своим Абрахаму и Йованэсу, и сестрам своим Азиз и Мариа, монашествующей исповеднице Мэвришат, Гомат, Сиритухт и всем ближним его, амин!» [Хачикян, 1967, № 143].

Даже такого рода скудные записи одушевляют книгу как таковую, приближают читателя к ее создателю. Но наряду с такими ординарными колофонами бытуют записи, в которых индивидуальность авторов выявляется гораздо ярче. Трафаретная часть сокращается, может даже отсутствовать, уступая место индивидуальному творчеству.

Известная часть таких нестандартных ишатакаранов посвящена данной рукописной книге. Здесь говорится об обстоятельствах, при которых переписывалась книга, об условиях жизни писца, о «пленении» рукописи и ее выкупе, о ее продаже, дарении, обновлении, вторичном переплетении и т. д.

Вот приписки, в лаконичном изложении которых нашли отражение и бытовые неурядицы, и подлинная трагедия:

«Ох, ох, проклятый сатана туманит мысли, уводит их в сторону, и лишь бог один — мне опора!» [Хачикян, 1955, № 291.3].

«Если письмо тебе не по вкусу, причина, брат, в том, что масла осталось на доньшке и пламя потускло».

«Не посетуй на кривизну, писал ночью, при светильнике. Каждую ночь — по восемь листов, днем по два или по три».

«Ох, сердце болит, мысли мешаются, погибли добрая мать и любимый брат» [Хачикян, 1955, № 411.6, 9, 10].

Благодаря ишатакаранам книга может породить и иные, более широкие ассоциации¹². В колофонах говорится о войнах, нашествиях, политических убийствах, о восшествиях на престол, о социальных отношениях, стихийных бедствиях, море. Подобные записи превращаются в небольшие исторические мемуары. Их ценность и значимость обусловлены, помимо всего прочего, тем обстоятельством, что в качестве автора выступает, как правило, современник, нередко очевидец и даже участник описываемых событий. За немногими исключениями, записи подобного рода содержат сведения местного характера, но это становится зачастую достоинством, поскольку обеспечивает несвойственные обычным повествовательным текстам конкретность и непосредственность. Ишатакараны используются в качестве важных источников по социально-экономической истории Армении, в особенности в позднее средневековье.

Содержание ишатакарана, наконец, могут составить притча, местное предание, биография, сентенция, афоризм, нравоучение. Нередко под пером автора рождается лирическая, а порой и сатирическая миниатюра, бытовая зарисовка, анекдот и т. п. Художественной выразительности способствует и язык — именно ишатакараны сохранили наиболее близкие к разговорным формы, проникавшие в древнеармянский литературный язык.

Обусловленные фактом бытования рукописной книги, ишатакараны в некоторых случаях фиксируют и общественное

---

¹² Говоря о творцах книги и их записях, мы всякий раз отвлекаемся от автора или авторов основного содержания. Речь идет о специфических особенностях рукописи как таковой.

отношение к ней. Книга — предмет внимания, почитания, и, когда этот стереотип оказывается нарушен, может появиться запись следующего содержания:

«В лето, когда по армянскому счислению был год 490-й [=1041 г. н. э.] и скончался армянский царь Йованнэс многомудрый, нашел я, вардапет Саргис, эту книгу в царской сокровищнице в углу. Замело ее на полу, заброшенную прахом, и словно лила она слезы молчаливо. Я же, как всегда, предавался в библиотеке размышлениям и, раскрывая привычно множество [книг], радовался их слову. Эта же книга, оторванная от подруг своих, ждала, что к ней потянется рука. И взял я эту книгу и унес к себе, вызволив ее из узилища» [Алишан, 1881, с. 50].

Отношение к книге превосходно передано в ишатакаране без даты:

«А вы, настоятель и монахи обители св. Киракоса, берегите книги. Во дни бегства и смуты перевезите книги в город и спрячьте. . . Во время же мира доставьте их в монастырь и читайте, а не храните закрытыми, ибо закрытые книги суть идолы!» [Срвандзтян, 1879, с. 297].

Хотя книги воспринимались как сакральные предметы, при всем ореоле окружающей их святости главное в них — содержание. Раскрыть книгу — значит постичь ее содержание, в противном случае книги обращаются в идолов, которым можно только молиться, не воспринимая их сути. Именно эта идея заложена в приведенной выше записи.

Первоначальная цель колофона — сообщить читателю «выходные данные» рукописи. Естественно поэтому, что часть записи в большинстве случаев посвящена творцам книги — переписчику, художнику, переплетчику и др. Сведения, которые приводятся в записи, носят анкетный характер — имя, происхождение, родители и пр., но уже в их подборе и комбинациях наличествует нечто индивидуальное. Тенденция к индивидуальности прослеживается даже в выборе уничижительных эпитетов — шкала их, как мы отмечали, была достаточно широкой. В отдельных ишатакаранах биографические моменты представлены весьма широко, здесь отрыв от формуляра становится более очевидным. Возможно, наконец, появление лирической миниатюры, когда автор привлекает внимание читателей к собственной личности, почти отвлекаясь от факта бытования рукописной книги:

«О братья, помяните ничтожного переписчика, в тяжких муках влachu я существование! В целом мире нет у меня заступника — ни отца, ни матери, ни братца. Одинок я, как куст на холме!»

Ни в одном жанре армянской литературы средневековья человеческая личность не проявлялась столь непосредственно, как в ишатакаранах.

Наряду с прозаическими нередко были ишатакараны в стихотворной форме. Их достоинства определяются не качеством стиха, которое практически не поднимается над уровнем ремесленного версификаторства, а содержанием. Последнее варьируется так же широко, как и в классических записях.

Публикация ишатакаранов в специальных сборниках не только облегчила их использование, но и воочию показала, что мы имеем дело со специфической массовой литературой. Значительная часть переписчиков происходила из низшего духовенства, и они вносили в ишатакаран множество черт, свойственных народной психологии и мировосприятию. Независимо от того, в какого рода рукописи вносились эти записи, они в целом принадлежат светскому течению армянской средневековой литературы и их следует трактовать как особый жанр армянской средневековой литературы¹³. Помещенные в рукописях ишатакараны так или иначе говорят о рукописях, но при этом они составляют органическую часть рукописной книги и в этом качестве и могут быть истолкованы в общем культурном контексте.

Количество дошедших до нас армянских рукописей исчисляется приблизительно в 25 тыс. Это, конечно, ничтожная доля созданных за 13—14 столетий рукописных книг. В настоящее время армянские рукописи сосредоточены в исследовательских институтах, музеях, библиотеках (светских и монастырских), небольшая часть их входит в частные собрания.

Крупнейшим в мире хранилищем армянских рукописей является Матенадаран — Научно-исследовательский институт древних рукописей им. Маштоца (Ереван), собрание которого насчитывает более 10 тыс. единиц хранения. Основу коллекции положили рукописи Эчмиадзинского монастыря, вошли сюда и другие собрания. Фонды Матенадарана непрерывно растут благодаря сбору рукописей среди населения и значительным поступлениям из-за рубежа. За немногими исключениями,

¹³ «Как бы разнообразны ни были подобные ишатакараны, они прямо или опосредованно вызваны к жизни фактом создания или бытования рукописной книги. Это объединяет их, и они представляют собой если не специфический жанр (из-за отсутствия достаточно всеобъемлющих формальных признаков), то по крайней мере определенный вид армянской средневековой литературы, причем в большинстве своем эти памятники принадлежат светскому, а в его пределах — демократическому направлению» [Юзбашян, 1973, с. 54]. Это определение подлежит исправлению. Принадлежность жанру может определяться и функциональными признаками, а последние выступают в ишатакаранах весьма определенно.

в рукописях Матенадарана представлены все более или менее значительные памятники армянской словесности.

Богатейшими после Матенадарана собраниями обладают монастырь св. Якова при армянском патриаршестве в Иерусалиме, ученые конгрегации мхитаристов в Венеции и Вене, менее значительные коллекции имеются в Парижской национальной библиотеке, Британском музее, Оксфорде, монастыре Всеспаса в Исфахане и др. В СССР армянские рукописи сосредоточены в хранилищах Ленинграда (ИВ АН СССР, ГПБ, Государственный Эрмитаж, Ленинградский государственный университет, единичные экземпляры в Институте русской литературы АН СССР — Пушкинском доме и в Архиве АН СССР), Москвы (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственный исторический музей), Тбилиси (Институт рукописей АН Грузинской ССР им. К. С. Кекелидзе), Баку (Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР). При Эчмиадзинском монастыре вновь образуется коллекция манускриптов.

Научная каталогизация армянских рукописей началась в XVIII в., и к настоящему времени значительная часть памятников описана. Наиболее полный список печатных и рукописных каталогов (охватывающих не менее 5 рукописей) насчитывает 355 названий [Анасян, 1959, с. XXVII—XCV; Анасян, 1976, с. V—XXII].

Из немногочисленных трудов по армянской палеографии в особенности важны [Ташьян, 1898; Ачарян, 1928; Абрамян, 1973]. Продолжает сохранять свое значение Альбом армянской палеографии [Овсепян, 1913]. В целом армянская палеография изучена недостаточно, и датировка памятников по письму опирается не столько на научно разработанные критерии, сколько на интуицию исследователя.

Абрамян, 1973. — А б р а м я н А. Г. Армянское письмо и письменность. Ер., 1973 (на арм. яз.).

Агаян, 1977. — А г а я н Э. Б. К проблеме домесроповской армянской письменности, месроповского алфавита и о смежных вопросах. Ер., 1977 (на арм. яз.).

Агатангелос, 1909. — История Армении Агатангелоса, изд. Г. Тэр-Мкртчян и Ст. Канаянц. Тифлис, 1909 (на арм. яз.).

Акимушкин и др., 1964. — А к и м у ш к и н О. Ф. и др. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Ч. 1. М., 1964.

Акопян—Иоаннисян, 1974. — А к о п я н В., И о а н н и с я н А. Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1601—1620 гг.). Ер., 1974 (на арм. яз.).

Акопян — Иоаннисян, 1978. — А к о п я н В., И о а н н и с я н А. Памятные записи армянских рукописей XVII в. (1601—1620 гг.). Ер., 1978 (на арм. яз.).

- Алишан, 1881. — Алишан Г. Ширак. Венеция, 1881 (на арм. яз.).
- Алишан, 1890. — Алишан Г. Айратат. Венеция, 1890 (на арм. яз.).
- Анасян, 1959. — Анасян А. С. Армянская библиология V—XVIII вв. Т. 1. Ер., 1959 (на арм. яз.).
- Анасян, 1976. — Анасян А. С. Армянская библиология V—XVIII вв. Т. 2. Ер., 1976 (на арм. яз.).
- Аракелян, 1958. — Аракелян Б. Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв. Т. 1. Ер., 1958 (на арм. яз.).
- Аристокэс, 1963. — Повествование Аристокэса Ластивертци. Текст подготовил и снабдил предисловием К. Н. Юзбашян. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Ачарян, 1928. — Ачарян Р. Армянские письма. Вена, 1928 (на арм. яз.).
- Геворгян, 1960. — Геворгян А. О средневековой ручке-самописке. — Вестник Матенадарана. 1960, вып. 5 (на арм. яз.).
- Гранстрем, 1956. — Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (Дополнительные сведения). — Византийский временник. Т. 11, 1956.
- Дирингер, 1963. — Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
- Добиаш-Рожественская, 1936. — Добиаш-Рожественская О. А. История письма в средние века. М.—Л., 1936.
- Дурново, 1952. — Древнеармянская миниатюра. Ер., 1952 (Подбор миниатюр, вступительная статья «Книжная живопись древней Армении» и «Объяснение к таблицам» Л. А. Дурново).
- Дурново, 1953. — Дурново Л. А. Армянская набойка. М., 1953.
- Еганян — Зейтунян — Антабян, 1965. — Еганян О., Зейтунян А., Антабян П. Каталог рукописей Матенадарана им. Маштоца. Т. 1. Ер., 1965 (на арм. яз.).
- Еганян — Зейтунян — Антабян, 1970. — Еганян О., Зейтунян А., Антабян П. Каталог рукописей Матенадарана им. Маштоца. Т. 2. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Лаз. Парп. — История Армении Лазара Парпеци и послание к Вахану Мамиконяну. Изд. Г. Тэр-Мкртчян, Ст. Малхасянц. Тифлис, 1904 (на арм. яз.).
- Левонян, 1959. — Левонян Г. Д. Армянская книга и искусство книгопечатания. Ер., 1958 (на арм. яз.).
- Мов. Хор. — История Армении Мовсэса Хоренаци, изд. С. Арутюнян и М. Абегян. Тб., 1913 (на арм. яз.).
- Муравьев, 1980. — Муравьев С. Н. О происхождении армянского алфавита. — Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1980, № 2.
- Мурадян — Юзбашян, 1973. — Мурадян П., Юзбашян К. Новоткрытый фрагмент «Истории» Лазара Парпеци. — Вестник Матенадарана. 11, 1973 (на арм. яз.).
- Овсебян, 1913. — Овсебян Г. Альбом армянской палеографии. Вагаршапат, 1913 (на арм. яз.).
- Овсебян, 1951. — Овсебян Г. Памятные записи рукописей. Антильяс, 1951 (на арм. яз.).
- Ольдерогге, 1975. — Ольдерогге Д. А. Из истории армяно-эфиопских связей (алфавит Маштоца). — Древний Восток. Сборник 1. К семидесятиятилетию акад. М. А. Коростовцева. М., 1975.
- Павст. — История Армении Павстоса Бузандаци в четырех книгах. Венеция. 1832 (на арм. яз.).
- Перихаян, 1966. — Перихаян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. — Переднеазнатский сборник. 2. М., 1966.

- Пивазян, 1962. — П и в а з я н Э. К вопросу об армянской письменности домаштоповского периода. — Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1962, № 4 (на арм. яз.).
- Сапунов, 1978. — С а п у н о в Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978.
- Себэос, 1979. — История Себэоса. Сводный критический текст, предисл. и коммент. Г. В. Абгаряна. Ер., 1979 (на арм. яз.).
- Срвандзтян, 1879. — С р в а н д з т я н Г. Торос Ахпар. 1. Константинополь, 1879 (на арм. яз.).
- Ташьян, 1898. — Т а ш ь я н Я. Очерк армянской палеографии. Вена, 1898 (на арм. яз.).
- Тигранян, 1918. — Т и г р а н я н С. Древнеармянская книга канонов. Очерки описания и исследования памятника. 1. Описательная часть. — Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению. Т. 13, № 3, 1918.
- Хачикян, 1950. — Х а ч и к я н Л. С. Памятные записи армянских рукописей XIV в. Ер., 1950 (на арм. яз.).
- Хачикян, 1955. — Х а ч и к я н Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 1 (1401—1450 гг.). Ер., 1955 (на арм. яз.).
- Хачикян, 1958. — Х а ч и к я н Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 2 (1451—1480). Ер., 1958 (на арм. яз.).
- Хачикян, 1967. — Х а ч и к я н Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. Ч. 3 (1481—1500). Ер., 1967 (на арм. яз.).
- Худобашев, 1838. — Х у д о б а ш е в А. Армяно-русский словарь. Т. 1—2. М., 1838.
- Юзбашян, 1973. — Ю з б а ш я н К. Н. Памятные записи армянских средневековых рукописей. — Литературная Армения. 1973, № 9.
- Dashian, 1895. — D a s h i a n J. Catalog der armenischen Handschriften in der Mechitharisten-Bibliothek zu Wien. Wien, 1895.
- Der Nersessian. — D e r N e r s e s s i a n S. Armenian Art. Arts et Métiers graphiques. [Б. м., б. г.].
- Leroy, 1938. — L e r o y M. Un papyrus arméno-grec. — Byzantion. 13. Bruxelles, 1938, 2.
- Pataridze, 1975. — P a t a r i d z e R. Die graphischen Grundlagen der armenischen Schrift. — Wissenschaftliche Zeitschrift d. Friedrich Schiller Universität Jena. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1975, H. 5/6.
- Sanjian, 1969. — Colophons of Armenian Manuscripts, 1301—1408. A Source for Middle Eastern History. Selected, Translated and Annotated by Avedis K. Sanjian. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1969.

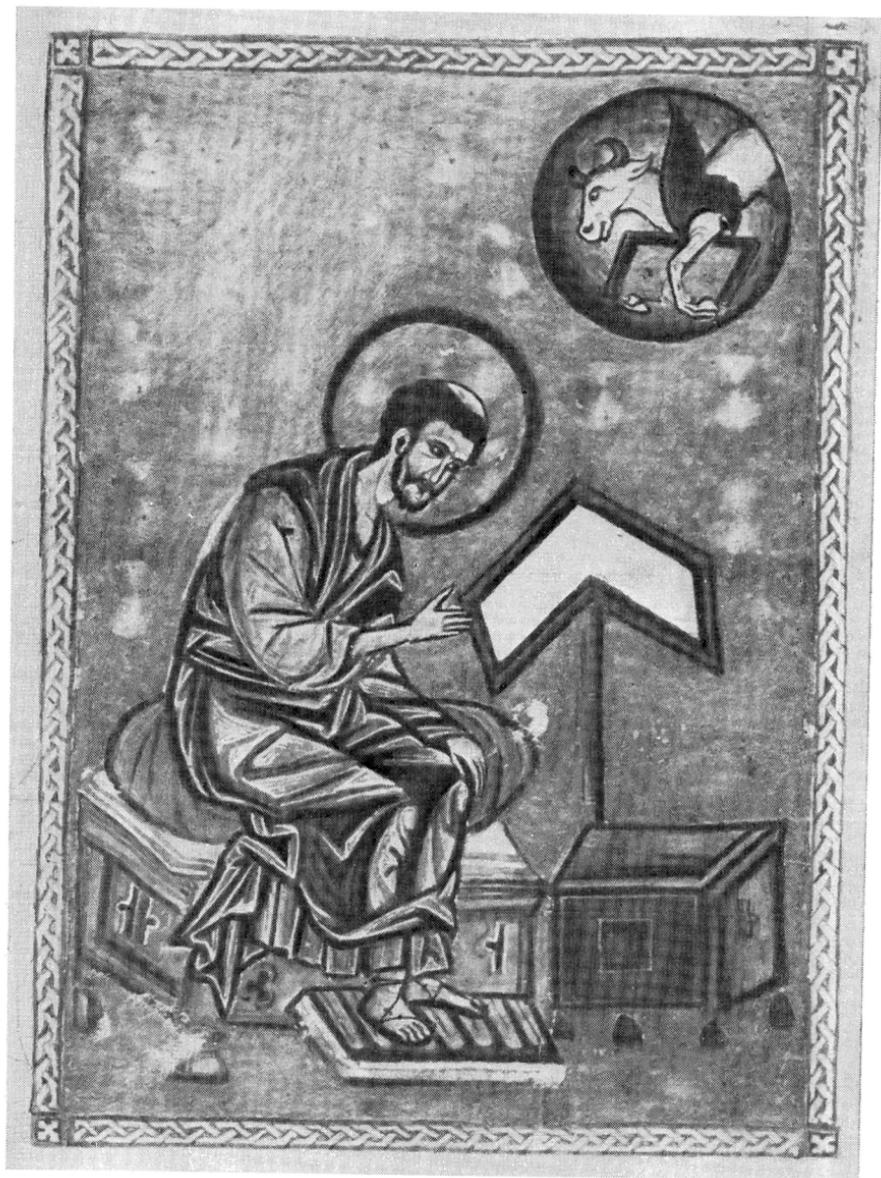

Рис. 12. К очерку К. Н. Юзбашяна. Четвероевангелие (Ленинград, ИВ АН, Арм. В-57, л. 1826). Художник Торос. 1290 г.

զսել չի անձամբն: հրեշտակի ծարար
կանի: Տարնուարտիչ Կերօֆի, երկ
նաւոր արտաշատ-հի, անխառնիք
զօր: Տարնոր որպէս շոյս: անշա
ղան ըստ Եւանջելի պարսկերի
արիւնիկի Բարձրա՛նի: Քրազանց
սան զՏեաւի-նի անկոխելի արեւ-
նից: Երանուար Խոսարճանի պէտի: Ե
րե՛շն զանի, Ծառ-կիւնաց, անճա
հի Բարձրի արձն պարս-անիւնը:
Ի Բարձրեան զօրի, զօրացեան լեռ
Վանացեան: Հանգստեամբ հոգոյն,
հանդերձեան լա Տարսարճեան Տեա
կո-նի որդացն, յարդարեան լարոյ
զաւարեան: Տեաճիւն հօր՝ Կեղ
անորանիկ: Որդի՛ սոճնի պեմ Տե
ւոր արարչո-նի: Ընդանուար Տա
րո-նիդ՝ Լանի՛ծ Բարի: Ընդանու
րնոր արեւ-նիդ՝ Լեւնու Տեաւի լարի

Рис. 16. К очерку К. Н. Юзбашяна. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений (Ереван, Матенадаран, № 1572, л. 85а). Перепищик Барсел. Нотригр. 1706 г.

